

ПРЕЗИДЕНТЫ-МАНЬЯКИ

КАК СТАТЬ ВОЖДЕМ

СТРАСТИ ВО ВЛАСТИ

Одна из наиболее важных черт харизматической личности — трудность своему окружению. Нет пророка в своем отечестве, и это правда. Легче управлять другим.

Слова — все они были «правильными».

Остроумие и умение читать между строк — это важные качества.

Сколько Березовский (Сколько Березовский, потому что так легко находила «общий язык»). Не будь Жириновский, мир, скорее всего, никогда не узнал бы президента Кавказа.

Коллекции компрессионных...

Александр Соловьев

**Как стать вождем.
Страсти во власти**

«Коммерсантъ»

Соловьев А.

Как стать вождем. Страсти во власти / А. Соловьев —
«Коммерсантъ»,

Во время предыдущей всероссийской переписи населения в 2002 г., заполняя соответствующие пункты анкеты, российский президент Владимир Путин назвал себя «работником по найму», который оказывает «услуги населению». При внешней странности формулировки, это так и есть. Президент, вождь, правитель, деспот, император, генеральный секретарь (перечень можете продолжить сами) – это ПРОФЕССИЯ. Каковы требования к «соискателю рабочего места» – как стать вождем и оказаться на вершине мира?... Каковы «условия труда» – что имеют властимущие?... Как дожить до «пенсии», не утратив доверие «работодателя», то бишь народа? И почему правитель – самая опасная профессия? Какие маленькие слабости можно позволить себе, находясь на «рабочем месте»?.. Президенты – они такие же люди, как и мы с вами. Со своими страхами, увлечениями и секретами. Они тоже не святые и склонны к различным порокам. Только вот читать про самые сокровенные тайны «первых лиц» гораздо интереснее!

© Соловьев А.

© Коммерсантъ

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	8
Шесть навыков начинающего	8
Университеты власти	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Соловьев

Как стать вождем. Страсти во власти

Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи.
Владимир Путин

*Народ – это чистый лист бумаги, на котором можно писать
любые иероглифы.*
Мао Цзэдун

Предисловие

ВОЖДИ – особая порода людей. Они отличаются от остальных исключительным честолюбием и ярко выраженными лидерскими качествами. Это почти всегда прекрасные ораторы, мастера слова и жеста. Они обладают способностью подчинять своей воле других людей.

Во время предыдущей Всероссийской переписи населения в 2002 г., заполняя соответствующие пункты анкеты, российский президент Владимир Путин назвал себя «работником по найму», который оказывает «услуги населению». При внешней странности формулировки это так и есть. Президент, вождь, правитель, деспот, император, генеральный секретарь (перечень можете продолжить сами) – это ПРОФЕССИЯ.

Но требования к соискателю рабочего места во главе страны (парламента, Верховного Совета, правительства, партии и т. п.) отличаются от соискателя места, скажем, преподавателя, научного сотрудника, или даже руководителя транснациональной корпорации.

Впрочем, отличаются они не так уж и кардинально.

Для того, чтобы стать вождем, нужна предрасположенность – а в какой профессии она повредит?

Одно из главных качеств потенциального вождя – амбициозность, но разве не амбициозен, допустим, ученый, одержимый тайнами материи и бытия?

На пути к победе вождю необходимо везение и совпадение множества факторов – а где иначе?

Приход к власти – ее насильственный захват, победа на выборах или даже получение по наследству – акция разовая. Иногда громкая и яркая, как ядерный взрыв, иногда тихая и почти незаметная, естественная, как смена времен года. Но практически в любом случае она требует колоссального напряжения всех сил вождя – его харизматических талантов, его умения вести за собой союзников и убеждать или устранять противников, его умения мобилизовать все доступные ему материальные и нематериальные средства.

Но когда желанная награда добыта, амбиции удовлетворены, главная цель жизни достигнута, то оказывается, что удержать в руках добытое с невероятным трудом гораздо тяжелее, чем заполучить. И качества, необходимые для того, чтобы к власти прийти, оказываются лишь бледным подобием того, что необходимо, чтобы ее сохранить.

Сильная воля и непреклонность оборачиваются деспотизмом. Жесткость, способность принимать «тяжелые, но необходимые решения» – жестокостью и тиранией. Гибкость и близость к народу – махровым популизмом и циничным манипулированием. Даже вождественное богатство не до конца принадлежит тому, кто забрался на самый верх, – им приходится делиться с соподвижниками. Иногда и с народом.

Но для того, чтобы подчинить своей воле окружающих, необходимо эту самую волю иметь. И прежде чем дело дойдет до окружающих, своей воле приходится подчинять самого

себя – свою слабость, немощь, болезни. Зато безжалостное отношение к себе легче распространить на окружающих. А дальше – до деспотии, абсолютной власти – остается лишь шаг.

Подобно героям и царям древности, потенциальные вожди хотят стать великими. Заранее в этом признаются единицы, но назвать хотя бы двоих правителей, не поддавшихся в тот или иной момент запредельному тщеславию, невероятно трудно. Один – Махатма Ганди. Второй?

За властью и во власть идут с предельно конкретной целью. Власть ради власти – такая же абстракция и вещь в себе, как искусство ради искусства.

Самый простой «движитель» такого похода – желание повелевать, реализовать свои идеи по переустройству мира или сохранению статус-кво. Гай Юлий Цезарь и Мао Цзэдун, Уго Чавес и Фидель Кастро, Бенитто Муссолини и Франклин Рузвельт, Борис Ельцин и Шарль де Голль – любой из тех, кто оказывался на вершине, попадал туда отнюдь не волею случая (исключений из этого правила за всю историю человечества наберется пренебрежимо мало). Другое дело, что с приходом к власти первоначальные цели могли меняться до неузнаваемости.

СЛАВА – один из главных мотиваторов для харизматической личности, идеальная награда для героя, вождя, государя. Ратники князя Игоря выходили в поле в поисках «себе – чести, а князю – славы». Наткнувшись однажды на статую Александра Македонского, Цезарь замер, как пораженный громом. По свидетельству очевидцев, глаза его предательски увлажнились. «Александр в моем возрасте уже покорил весь мир, а я не совершил еще ничего замечательного», – пробормотал Цезарь и, резко повернувшись, пошел прочь.

Одним из мощных стимулов в борьбе за власть долгое время была жажда славы. Но времена Александра Македонского, королей средневековья и даже Наполеона безвозвратно уходят. Теперь куда как проще получить свои «пять минут славы», выложив самодельный ролик на YouTube – и риска меньше, и прославишься быстрее. Измельчало человечество, что ли?

А вот желание сохранить и приумножить богатство по-прежнему осталось поводом и целью похода во власть. Так ли уж отличается Сильвио Берлускони от короля Бельгии Леопольда II? Если только средствами, которых сегодня существенно больше, чем в XIX веке. Вложения во власть и сегодня остаются высокодоходными – хотя и высокорисковыми – инвестициями.

БОГАТСТВО, золото – та же слава, только материальная. Богатство служит мерилom могущества и одновременно – инструментом для его увеличения. Поэтому среди властителей и вообще сильных мира сего так сложно найти настоящих бесребреников. Да и рваться во власть бесребреникам не свойственно – их амбиции, как правило, направлены внутрь себя, а не вовне.

Правители – тоже люди. Даже самые верховные. И ничто человеческое им не чуждо. Привычки и увлечения, гардеробы и автомобили, экзотические и не очень хобби и романы на стороне – когда все это оказывается на виду, то вызывает у публики интерес едва ли не больший, чем властные лозунги и реальные политические достижения (или провалы) вождя. То ли потому, что пойманный на адюльтере президент становится как-то ближе и понятнее народу, то ли потому, что поймать великого на человеческой слабости так заманчиво и любопытно.

Чего еще можно желать, будучи могущественным, славным и богатым правителем? Величия! Остаться в истории, изменить саму историю, страну, мир. Совершить то, что не под силу «обычному» правителю. Исполнить возложенную на него миссию. Стать легендой.

Правителю могут простить алчность – его назовут ненасытным или скупым и будут втайне завидовать его богатству. Правителю могут простить жестокость – его назовут грозным и будут втайне завидовать его силе. Правителю могут простить даже глупость – его назовут недалеким и будут втихомолку над ним посмеиваться. Единственное, чего правителю не простят никогда, – это безволие. В лучшем случае его просто свергнут и забудут, в худшем – запомнят и поставят потомкам в пример. В пример того, как править нельзя.

МОГУЩЕСТВО – это сила, возможность и способность повелевать людьми и народами. Амбиции любого начинающего – да и «заматеревшего» – вождя всегда направлены на то, чтобы обрести желаемый уровень могущества. Беда в том, что, как правило, желаемый уровень всегда оказывается ниже необходимого. Могущество само по себе подталкивает правителя к новым, все более амбициозным целям.

Абсолютное самовластье – скорее выдумка, чем реальность. «Все могут короли» – просто строчка из полузабытого шлягера. Власть накладывает серьезнейшие ограничения, и чем больше власти, тем эти ограничения больше. Попытки их преодолеть могут оказаться анекдотичными, а могут привести к ужасающим трагедиям. Ведь заполучивший «всю полноту власти» человек остается лишь человеком. Несмотря на жесточайший тренинг и отбор, который ему пришлось пройти, чтобы оказаться на вершине.

Достижения и ошибки, подвиги и преступления, благородство и подлость тех, кто там оказался, в наших глазах увеличиваются тысячекратно. Неосторожное словцо, вылетев из уст правителя, способно или вызвать многолетнюю войну, или сделаться популярнейшим анекдотом.

Проявление слабости (тщательно скрываемое или, наоборот, нарочитое) может укрепить народную любовь, а может вызвать шквал презрения, который погребет под собой если не самого правителя, то последние надежды на добрую память о нем. Так что быку на самом деле позволено едва ли не больше, чем Юпитеру.

НАСИЛЬСТВЕННОЙ смертью только в XX веке погибли почти 100 глав государств. Практически – по одному в год. Те, кто говорят, что профессия правителя – самая опасная, недалеки от истины. Молния бьет в самые высокие деревья. Хотя некоторым удастся либо уйти с высокого поста живым, либо умереть на посту.

Часть 1

Природа вождя

*Мне нужно оставаться великим, славным, возбуждающим
восхищение!*

Наполеон Бонапарт

Шесть навыков начинающего

Считается, что будущие правители от рождения обладают особым свойством – харизмой. Она обеспечивает, поддерживает и усиливает весь необходимый вождю комплекс качеств. Среди известных истории харизматических персонажей есть и основатели мировых религий – Будда, Моисей и Христос, и создатели направлений внутри этих религий – Лютер и Кальвин, например. С другой стороны, это великие государственные и военные деятели, такие, как Чингисхан или Наполеон. В XX веке среди таких деятелей – Гитлер и Муссолини, Ленин и Троцкий, но также Ганди и Мартин Лютер Кинг. Свойство харизмы относительно безразлично к роду деятельности и ее морально-этическому содержанию: харизматическим лидером с равным успехом может быть и святой, и преступник.

Широко распространено мнение, будто харизма – это врожденное свойство, данное человеку от природы раз и навсегда. Однако в основе харизмы лежит всего лишь умение заставить окружающих поверить в то, что ты такими свойствами обладаешь. Харизма – это вовсе не врожденное мистическое качество, не удел избранных. Это вполне поддающийся анализу набор персональных черт. Их всего шесть.

Одна из наиболее важных черт харизматической личности – чуждость своему окружению. Нет пророка в своем отечестве, и это правда. Человеку со стороны намного легче управлять другими. Корсиканец Наполеон во Франции, француз (чужак в Женеве) Кальвин, грузин Сталин – все они были «пришельцами». Понятно, что иностранное происхождение в прямом смысле слова вовсе не обязательно. Достаточно хотя бы признаков иного происхождения, даже социального, чтобы иметь возможность двигаться по харизматическому пути. Тот же аятолла Рухолла Мусави Хомейни (не путать с Али Хаменеи – нынешним аятоллой, фактическим руководителем – рахбаром, то есть вождем – Ирана) родился в Иране, но основную деятельность по подготовке исламской революции вел из-за границы, из Ирака и Франции. Борис Ельцин вообще не покидал России, но противопоставлял себя руководству компартии, подчеркивая свою чуждость существовавшей системе власти.

Вообще, отличия крайне важны для того, кто претендует на роль харизматической личности. Эти отличительные признаки, или стигматы (отметины) выделяют его из окружающей массы. Таким признаком может быть даже болезнь или увечье. Хорошо известно, как в традиционных культурах относились к горбунам, юродивым и т. д. Их почитали и побаивались, ведь считалось, что такие люди связаны с потусторонними силами. Бросающаяся в глаза ущербность как бы переводит ее обладателя в особое измерение, поражая воображение окружающих. Примерами могут служить «карлик» Наполеон или одноглазый Моше Даян.

Харизматические личности, как правило, не скрывают свои физические недостатки. Оливер Кромвель, например, потребовал от своего личного художника рисовать его портрет «со всеми язвами и бородавками», которых на лице вождя английской революции было предостаточно. Исключение из этого правила составил разве что Франклин Рузвельт, запретивший показывать себя в инвалидном кресле.

Очень выгодна всегда была «священная болезнь» – эпилепсия. Судорожные припадки традиционно воспринимались как знак избранничества. История демонстрирует нам большое количество великих, страдавших от эпилептических припадков: от Юлия Цезаря и Александра Македонского до Петра Великого, Наполеона и Ленина. Безусловно, к стигматам относится и неординарно-демонстративное поведение, в котором прочитывается указание на безумие: например, введение коня в сенат, падения с мостов или драки в Государственной думе.

Лидер непременно должен быть носителем знаков, по которым его всегда узнают и вспоминают. Сигара Черчилля, трубка Сталина, родимое пятно Горбачева (которое тоже, кстати, на официальных фотографиях ретушировали), кепка Лужкова – примеры, которые первыми приходят в голову. В формировании харизматического имиджа важно все до мелочей: походка, одежда, интонации, осанка. Все это должно сделать человека узнаваемым и запоминающимся.

Созревший для своей миссии герой получает свыше приглашение к общественной деятельности или некий знак, указывающий на его предназначение. Призвание в религиозной сфере, разумеется, осуществляется посланцем высших сил или знамением, от них исходящим (Моисей перед неопалимой купиной, Будда под деревом Бодхи). К героической деятельности в светской области человек может быть призван другими незаурядными событиями, которые вызывают неожиданное озарение (Владимир Ульянов после казни брата Александра, произносящий знаменитое: «Мы пойдем другим путем»).

Еще один такой пример – судьба президента Филиппин Корасон Акино, которая никогда не собиралась заниматься политикой. Но после того как в 1983 году у нее на глазах вооруженный полицейский застрелил ее мужа Бениньо Акино, лидера филиппинской оппозиции, она сменила мужа во главе оппозиционных сил и приняла участие в президентских выборах 1986 года. Выборы Акино проиграла, но не смирилась с этим, а, обвинив режим тогдашнего диктатора Фердинанда Маркоса в подтасовке результатов, возглавила народное восстание. Став президентом Филиппин, Акино сумела пережить несколько покушений на свою жизнь и две попытки государственного переворота.

Четвертая неотъемлемая часть харизмы – новизна. Экстраординарные способности не могут, не должны проявляться общепринятым образом. Даже если в основе программы харизматического политика лежит почвеннически-охранительная или реваншистская идеология, на фоне общей духовной ситуации эпохи она должна казаться чем-то новым. Так, экономическая программа Чан Кайши, опиравшаяся на остававшиеся революционными для китайского общества начала XX века принципы Сунь Ятсена, по сути своей была весьма традиционалистской, но воспринималась как новое слово.

Огромное значение имеет новизна самого политика. Его внезапное появление должно ошеломить массы. Таков был не известный никому в Португалии скромный профессор Антониу ди Оливейра Салазар. Такими же были и Владимир Путин (Who is Mr. Putin?), и Сильвио Берлускони (возможно, поэтому они так легко находили общий язык). «Самое невероятное в победе Берлускони на выборах заключается в том, что очень многие в самой Италии и в остальной части Европы считали ее невозможной, – написала в редакционной статье лондонская «Таймс». – Но эта победа состоялась именно потому, что его Forza Italia! («Вперед, Италия!» – название политической партии, организованной Берлускони) мало походит на политическую партию, а его самого воспринимают как новичка в политике». Коалиция партий, созданная Берлускони, в которую вошли неофашисты и Лига Севера, получила 366 из 630 мест в парламенте, а «Вперед, Италия» собрала 21 % голосов – безусловный рекорд.

Правда, в условиях демократической власти действие харизмы зачастую непродолжительно и заканчивается вскоре после избрания. Очень важно не растерять своей привлекательности к моменту выборного соревнования. Задача разумного политика и его команды – рассчитать, чтобы пик восприятия его как харизматической личности пришелся как раз на момент выборов.

Яркие внешние черты должны быть не только у самого вождя. Ярким должно быть и его правление. Отсюда и пятая черта харизматического лидера – театральность, широкое использование гербов, эмблем, гимнов, знамен и различных обрядов. При этом идеология вождя должна соответствовать внешнему оформлению. Строить воздействие на людей можно на чем угодно, даже на теме борьбы против грызунов, но харизма политического деятеля, претендующего на общенациональное влияние, должна отвечать на важнейшие вызовы времени.

Ритуалы и символы, правила поведения и приветствия – это нечто незыблемое, то, чему необходимо хранить верность. Ведь харизматический лидер всегда в той или иной степени – человек одной мысли. Попытка даже незначительной модификации символики может привести к величайшим конфликтам и кризисам – например, раскол русской церкви в XVII веке. Скажем, идея переименовать милицию в полицию – как раз из таких попыток смены ритуалов, и неизвестно еще, как на подобную реформу отреагирует общество.

Наполеон, скажем, справедливо видел в монархических ритуалах инструмент укрепления своей власти, как и последовавший его примеру африканский генерал Бокасса – самый известный, если и не самый харизматический диктатор современности. Это прекрасно понимали советские и нацистские вожди, разработавшие уникальные сценарии военных парадов, съездов, приветствий и демонстраций.

Наконец, личность, претендующая на особое влияние, всегда находится в состоянии борьбы. Харизматический лидер, собственно, живет для того, чтобы в любой момент перегрызть глотку тому, кто покушается на интересы его группы.

При этом лидер никогда не будет так же рьяно отстаивать свои собственные, корыстные интересы, по крайней мере, открыто. Вождь-политик тщательно скрывает собственные амбиции, выставляя себя «слугой народа», против своей воли и как бы нехотя берущим на себя бремя власти. Легенды о скромности и неприхотливости «великих и простых» вождей народов являются неотъемлемой частью жизнеописаний тех же Кромвеля, Наполеона, Ленина или Сталина. Скромностью могли щегольнуть – в своем стиле – и падкие на роскошь африканские диктаторы. Так, однажды представитель ЦРУ Лоуренс Девлин хотел преподнести верному союзнику США в Заире Жозефу Дезире Мобуту (он же Мобуту Сесе Секо) в честь какого-то праздника сувенир стоимостью \$25 000. Президент, личное состояние которого к тому времени наверняка перевалило за миллиард, отказался брать у друга такую дорогую вещь.

Харизматическая личность всегда востребована там, где произошла беда. В такой ситуации лидер никогда не станет успокаивать народ. Напротив, он приложит все силы к тому, чтобы держать людей в напряжении, говоря, что все ужасно, тяжело и почти катастрофично, но, слава Богу, есть человек, который знает, как со всем этим справиться – и сталинское «братья и сестры», и «нечего предложить, кроме крови, труда, слез и пота» Черчилля – типичные выступления харизматиков.

Борьба начинается с восстания против норм и авторитетов, чем вызывает ответную агрессию. Так в свое время поступил Мартин Лютер, прибивший свои «Виттенбергские тезисы» к дверям католического собора. Так же поступил и Фидель Кастро, возглавив безнадежный штурм казарм Монкадо.

Ответная агрессия вызывает у последователей вождя потребность защитить его от врагов, что только усиливает харизму. Если никто, как назло, на героя не нападает, необходимо создать видимость угрожающей ему опасности. Этим активно пользовались Саддам Хусейн и Слободан Милошевич, до них – Иосиф Сталин (борьба с контрреволюцией внешней и внутренней) и Адольф Гитлер (поджог рейхстага как предлог для антикоммунистических репрессий и общего ограничения свобод в стране). Фидель Кастро и вовсе закрепил за собой образ рекорсмена по числу покушений на его жизнь, отодвинув в сторону Шарля де Голля, также неоднократно становившегося мишенью. Вопрос о том, что первично – агрессия в адрес

«харизмоносеца» или его бойцовская позиция, несущественный. Главное, чтобы это качество проявлялось как можно более интенсивно, иначе всякой харизме конец.

Харизматическое действие непременно должно быть успешным. Народ любит гонимых, но не любит битых. Все сюжеты из жизни харизматических политиков – это повествования о достижении успеха. Когда в 1813 году Меттерних встретился с Наполеоном в Дрездене и предложил ему мир на условиях, казалось бы, вполне почетных, но требовавших от Наполеона определенных уступок, то услышал в ответ: «Ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побежденными в свои столицы, и для них это все равно. А я – солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, возбуждающим восхищение!»

Если время идет, а успехов не наблюдается, необходимо во что бы то ни стало создать иллюзию побед. Делается это всегда одинаково: обнаруживается некая всеобщая беда, от которой страдает или может пострадать весь народ (еще лучше – все человечество). И оказывается, что нынешняя деятельность лидера как раз сосредоточена на преодолении этой почти неизбежной катастрофы (глобального потепления, например). Когда напряженное ожидание апокалипсиса достигает высшей точки, проблема объявляется успешно решенной. Чаще всего к такому способу поддержать свой авторитет прибегают лидеры религиозных сект, успешно претворяя провозглашенный ими самими конец света.

Все составляющие харизмы связаны между собой и подчинены строгой логике – логике завоевания власти. Создание харизмы при этом распадается на три основные цели.

Первое – это выделение лидера из толпы, подчеркивание его исключительности и необыкновенности. Этой цели служат его особое происхождение («чуждость»), событие, изменившее всю его жизнь («озарение»), внешние качества и особенности поведения («стигматы»). Новизна идей – тоже элемент неординарности.

Вторая цель – это сплочение последователей. Этому служат ритуалы, лозунги, эмблемы и символы, подхватываемые и воспроизводимые толпой.

Наконец, третье и самое главное, ради чего предпринимаются все эти усилия: обеспечить преданность масс вождю. При всей исключительности вождя и его отличии от массы, у них должно быть нечто общее, что их объединяет: это может быть общий враг, общая цель, общий успех. И, разумеется, общая борьба, в ходе которой эта беззаветная преданность и горячая любовь могут проявиться сполна.

Университеты власти

При всем при том харизматические навыки – всего лишь предпосылки, необходимые, но недостаточные для получения власти. Их необходимо отточить, отшлифовать. Лучше всего для этого подходят армия, где будущий вождь учится исполнять и отдавать приказы (непосредственное воздействие на людей), а заодно создает крепкие и надежные связи, и пресса, где потенциальный лидер овладевает наукой управлять умами масс (воздействие опосредованное). Дальнейшая «политическая стажировка» – работа в революционных кружках, в парламенте или партии, под сенью более крупного политика, партийного лидера или монарха – также практически обязательна. Даже официальный наследник трона получает корону не вдруг, а лишь после тщательного и жесткого «курса молодого вождя».

Армия была главной опорой Александра Македонского. А звезда Цезаря впервые возшла в тот момент, когда он добился назначения наместником в Галлию с правом набирать легионы и вести войну. Это был на редкость дальновидный шаг: некоторые галльские племена еще оставались независимыми от Рима, и их лишь предстояло покорить. Великолепный шанс для честолюбивого командира, мечтающего о подвигах и славе! Именно в Галльских походах 58–51 гг. до н. э. Цезарь выказал себя самым выдающимся из всех живших до него римских полководцев. За восемь лет он обратил всю заальпийскую Галлию в римскую провинцию, наложив на ее жителей огромный налог. За это время Цезарь взял штурмом более 800 городов, покорил 300 народностей, уничтожил до миллиона человек и столько же захватил в плен (если верить «Запискам о Галльской войне» самого Цезаря). В ходе одного из сражений он, по свидетельству греческого историка Плутарха, «учинил такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимыми для римлян».

Это сложившееся в античности правило прекрасно работало и в XX веке.

В 1905 году уже зарекомендовавший себя политическим смутьяном на родине Чан Кайши (точнее, Цзян Цзешу или Чжунчжэн) – он ненавидел маньчжуров, бывших у власти в Китае, и демонстрировал эту ненависть самыми разными способами – прибыл в Токио, чтобы поступить в военную академию. Будущий президент Тайваня искренне восхищался Японией, поскольку в этой стране было все, к чему стремилась его душа, – дисциплина, армия и националистический угар.

Правда, он быстро выяснил, что в академию не принимают провинциалов-недоучек из сопредельных стран. Чан не стал попусту сетовать на судьбу и взялся за изучение японского языка. Благодаря этому по возвращении в Китай он смог поступить в Баотянскую военную академию. Зимой 1907 года среди слушателей начался набор для отправки в Токийскую военную академию, и Чан сумел убедить комиссию, что его непременно следует включить в число счастливчиков, ведь он уже знает японский язык. Его приняли.

Вскоре в Токио он примкнул к тайной организации, поддерживавшей Сунь Ятсена – лидера китайских республиканцев. Окончив академию, Чан Кайши вступил в японскую армию и был направлен в дальний гарнизон служить в артиллерийских частях. Однако в 1911 году в Китае началась революция, и Чан Кайши покинул службу, немедленно отправившись на родину, чтобы поучаствовать в общем деле.

Будущий испанский диктатор Франсиско Франко, не сумев поступить в военно-морское училище, в 1907 году пошел учиться на пехотного офицера. Он искренне интересовался военной наукой в том виде, как ее понимали в Пехотной академии. Понимали же ее в те годы довольно однобоко.

В начале XX века Испания еще помнила о своем блестящем колониальном прошлом, однако годы ее величия остались далеко позади. Испанская армия имела устаревшее вооружение и использовала устаревшую тактику, причем военная элита страны не делала из поражений

никаких выводов. Так что в Пехотной академии учили в основном маршировать, следить за чистотой подворотничков и любить короля. Но более всего будущих офицеров учили ощущать себя частью единой армейской корпорации, которая не несет никакой ответственности перед обществом, поскольку она лучше всех остальных социальных групп знает, что нужно Испании. Больше всего, по мнению военных, Испания нуждалась в восстановлении утраченного величия путем захвата новых колоний. Такой ответственный и старательный кадет, как Франко, разумеется, не мог не разделять тех же взглядов, и война за расширение колониальных владений, которую в те годы вела Испания, на долгие годы стала и его войной.

В Марокко испанцы постоянно страдали от партизанских набегов и повсюду сталкивались с ненавистью местного населения. Вот на такую войну и попал в 1912 году юный лейтенант Франко. Война была жестокой, тяжелой и грязной, но молодой офицер сумел приспособиться к ее правилам и выжить. Он по собственному желанию перевелся в регулярес – войска, набиравшиеся из марокканцев, служивших под командованием испанских офицеров. Регулярес использовались в самых опасных операциях, так что шансов отличиться и продвинуться по службе там хватало. Франко быстро показал себя храбрым и удачливым офицером и к 1917 году уже дорос до звания майора. Стремительность его карьеры поражала, но настоящую путевку в жизнь он получил лишь в 1920 году, когда был сформирован Испанский иностранный легион.

Летом 1921 года испанская армия была наголову разбита марокканцами. Рифы (племена северного Марокко) подошли к городу Мелилье, где в то время находился Франко, которому и пришлось срочно укреплять город. Мелилья не пала, и Франко обрел славу национального героя. Обретенная слава оказалась весьма кстати, когда командир легиона Хосе Милян Астраи получил тяжелое ранение. В 1923 году Франко был назначен на его место, а в 1926 году получил звание бригадного генерала, став самым молодым генералом Испании.

Когда на выборах 1936 года в Испании победил Народный фронт, объединявший левые партии, включая коммунистов и анархистов, его, по сути, сослали командовать гарнизоном Канарских островов. От обиды генерал начал искать выходы на заговорщиков, желавших свергнуть республику. Заговорщики и сами хотели с ним сотрудничать, потому что верили в его верность корпоративным интересам испанских силовиков. И не ошиблись...

В ноябре 1904 года по случаю дня рождения принца Умберто итальянский король объявил амнистию дезертирам, укрывшимся в том числе и за границей. Среди них был и Бенито Амилькаре Андреа Муссолини – пацифист и социалист, возражавший против службы в «империалистической буржуазной армии» по идейным мотивам и укрывавшийся от призыва в Швейцарию. Вернувшись в Италию, он... добровольно отправился на призывной пункт! И вопреки страхам армейского начальства, дисциплинированно и даже со рвением прослужил положенный срок в элитном полку стрелков-берсальеров. К тому времени в голове молодого человека, уже задумавшегося о политической карьере, идеи социализма и интернационализма начали постепенно уступать место иным. Муссолини все глубже проникался идеями Великой Италии, которой по историческому праву принадлежит юг Европы и все Средиземноморье, а по «культурному» – духовное верховенство в Европе вообще. А где закалять националистическую сталь, как не в армии. Известно, что по окончании двухлетней службы Муссолини получил благодарность от командования за хорошее исполнение своих обязанностей.

В 1919 году будущий каудильо Доминиканской Республики и генералиссимус Рафаэль Леонидас Трухильо Молина – тогда скромный 28-летний телеграфист, стеснявшийся своих африканских корней, – поступил на службу в полицию. Уже через шесть лет он ее возглавил, а еще через пару лет возглавил национальную армию, в которую переименовали полицию. По латиноамериканской традиции командовать армией означало управлять страной, а потому в 1930 году Трухильо без труда выиграл «свободные» выборы и стал президентом.

Дважды провалившись на вступительных экзаменах в военную академию, Сэндхерст Уинстон Леонард Черчилль в конце концов попал только в кавалерию, где конкурса практически не было, но зато уж там взялся за ум и закончил курс 20-м среди 130 курсантов. Большой любитель игры в солдатики, Черчилль выбрал военную карьеру, не зная, что ему самому суждено стать одной из фигурок, в которые будут играть следующие поколения. По окончании курса в Сэндхерсте Черчилль поступил в Четвертый гусарский полк. За несколько лет он успел поучаствовать в том или ином качестве в военных кампаниях на Кубе, в Индии и Судане.

До 18 июня 1940 г. Шарль де Голль был почти никому не известным (по сути – самопровозглашенным) бригадным генералом. Но этот представлявший лишь себя генерал решился на то, на что не отваживался ни один крупный политик: призвал французов к сопротивлению, объявил себя его центром и законным представителем Франции. По существу, речь шла о государственной измене и узурпации: правительство Виши, сформированное в соответствии со всеми конституционными процедурами, было вполне легитимным и признавалось другими странами, в том числе союзниками, которые имели при нем своих послов. Но де Голль сумел убедить в своей легитимности и французов, и союзников.

Главная причина политического взлета четвертого президента Египта Махаммада Хосни Саида Мубарака в середине 70-х годов – желание третьего президента Анвара Садата заручиться поддержкой армии. Мубарак к тому же был демонстративно аполитичен, лишен каких-либо амбиций, и на его преданность можно было рассчитывать. Более того, он был настоящим героем: боевой командир с безупречной репутацией, неподкупный, противник кумовства. Именно в те годы он получил прозвище «господин Честность».

Военные академии заканчивали и Муаммар бен Мухаммед Абу Меньяр Абдель Салам бен Хамид аль-Каддафи – он же Муамар Каддафи, бессменный лидер Ливии, остающийся при этом в звании полковника, и президент Венесуэлы Уго Рафаэль Чавес Фриас. До Каддафи, правда, чином он не дорос, остановившись на подполковнике, зато сделал это всего за 15 лет. Капитаном Красной Армии служил будущий маршал и генералиссимус КНДР Ким Ир Сен, лейтенантом японской и генералом корейской армии был южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи.

Многие будущие лидеры ухитрялись успешно совмещать военную и журналистскую (или литературную) карьеры. Одним из талантливейших писателей своего времени был Цезарь – его «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне» высоко ценил Цицерон. Вполне под стать Цезарю был литературно одарен и Черчилль. Его таланты будущего журналиста, литератора и оратора проявились, правда, еще до его попадания в кавалерию: в архивах школы Харроу хранится стихотворение, за которое Черчилль получил приз, и впечатляющее эссе о воображаемой битве с русскими в 1914 году.

Как репортер Черчилль дебютировал на Кубе: за несколько недель военной операции он послал в London Daily Graphic пять репортажей с места событий, которые были опубликованы и, главное, оплачены, что было немаловажно для стесненного в средствах молодого человека.

В Индии Черчилль, чтобы не заскучать, изучал труды политиков и речи знаменитых ораторов и с большой страстью предавался игре в поло, а в Судане успел поучаствовать в последнем крупном кавалерийском сражении британской армии – одновременно и как репортер, и как офицер.

Серия его очерков, опубликованных в Daily Telegraph с подзаголовком «От молодого офицера», стала основой для книги об истории военного подразделения британской армии, подавлявшего восстание индийских племен в 1897 году. Тогда же Черчилль написал свое первое и единственное, очень личное художественное произведение – роман «Саврола: Сказка о революции в Лаурации»; в зрелом возрасте он горячо уговаривал друзей не читать этой книги. Суданский опыт тоже не пропал даром и нашел литературное воплощение в виде книги «Речная война». Выйдя в отставку в 1899 году, Черчилль расстался с погонями, но не с войной.

В Южной Африке он был в качестве военного корреспондента *Morning Post*, когда его постигла первая в жизни большая удача: вместе с военным конвоем он попал в засаду, оказался в плену, а затем осуществил дерзкий побег из бурского лагеря для военнопленных в Претории.

Да и генерал Франко своей боевой славой был обязан не только военному мастерству, но и писательскому таланту. Он опубликовал свои дневники, в которых предстал перед читателями в образе рыцаря без страха и упрека, что немало способствовало росту его популярности.

Комиссованный после тяжелого ранения в чине капрала Муссолини вернулся к журналистской деятельности, которую начал еще до службы. Статьи редактора-фронтовика бичевали пораженцев, спекулянтов и прочих «тыловых крыс»: «Нужно по всей справедливости разделить кровавый налог, который до сих пор ложится в основном на плечи беднейших слоев населения; нужно заставить лентяев – работать, развратников – вести достойный образ жизни, хвастливых болтунов – молчать; нужно избавиться от паразитов и сделать так, чтобы вся нация встала под ружье. Ибо наши солдаты заслуживают этих усилий». В этих словах слышится уже голос будущего дуче, и не случайно именно Бенито Муссолини произнес пламенную речь перед армейскими штурмовиками на митинге в Милане по случаю победы.

В студенчестве пробовал свои силы на журналистской ниве и Франклин Делано Рузвельт. Более того, работа в студенческой газете «Кримсон», где его под конец избрали главным редактором, была единственным из университетских занятий, которое он впоследствии вспоминал с удовольствием. Удовольствие было, впрочем, вполне объяснимым: газета стала его единственной удачей за время учебы – за нелюбимость Франклина не приняли в престижный студенческий клуб, за маленький вес при огромном росте не включили ни в одну из серьезных студенческих спортивных команд.

А из современных политиков главными экспертами по СМИ следует признать, пожалуй, Уго Чавеса и Сильвио Берлускони. И если первый бесподобен в роли шоумена и оратора, то второй знает о политической журналистике все и даже больше.

Для Италии, где действовала государственная монополия на телевизионное и радиовещание, владение телекомпанией было совершенно беспрецедентным фактом. Тем не менее, к концу 60-х годов телекомпания *Telemilano* целиком принадлежала Сильвио Берлускони, ранее известному только по рискованным (хотя и чрезвычайно успешным) вложениям в строительство. Впрочем, обвинения в попытке нарушить закон о телевидении Берлускони отверг: *Telemilano* была не более чем кабельным каналом, вещавшим только для жителей микрорайона Милан-2. Тем не менее *Telemilano* стала первым камнем в медиаимперии Берлускони.

Через несколько лет Берлускони был уже владельцем сети кабельного вещания. Когда возмущенные действиями Берлускони владельцы крупных медиакомпаний страны попытались обвинить его в нарушении закона о госмонополии на телевидение, оказалось, что формально никакой телесети у Берлускони нет. Действительно, сотни кабельных каналов по всей стране показывали одни и те же программы, а рекламные блоки, рекламировавшие в основном компании, принадлежавшие Берлускони, были идентичными. Но на бумаге все телеканалы были независимы друг от друга, а сетка вещания была составлена так, что в разных районах страны программы начинались не одновременно, а с разницей в несколько минут. Это, по мнению адвокатов, свидетельствовало о том, что ни о какой всеитальянской сети частного телевидения речь идти не может.

В 1984 году премьер-министром страны стал лидер Социалистической партии Италии Беттино Кракси, совершенно случайно бывший близким другом Берлускони. Одним из первых решений нового правительства стал декрет о либерализации рынка телекоммуникаций. Монополии государственного телевидения пришел конец, и Берлускони открыто стал главным медиамагнатом страны, владеющим тремя крупнейшими негосударственными телеканалами Италии. За Сильвио Берлускони закрепилось прозвище Его Телевещательство: принадлежа-

щие Берлускони телеканалы, по самым скромным подсчетам, охватывают половину зрительской аудитории страны.

В 1991 году Берлускони присоединил к своей империи крупнейшую издательскую компанию страны Mondadori, владеющую контрольными пакетами акций 30 ведущих газет Италии.

Регулярные выступления итальянского политика на контролируемых им телеканалах касаются исключительно политических вопросов. Принадлежащие медиамагнату газеты подробно сообщали о каждом слове каждого депутата от разбитой наголову на внеочередных парламентских выборах партии Берлускони Forza Italia, не давая возможности избирателям забыть о политических амбициях своего хозяина.

Впрочем, в 2001 году участие и победа в парламентских выборах превратились для Берлускони уже в насущную необходимость. Судья Балтасар Гарсон обратился к депутатам Европарламента с просьбой лишить Берлускони депутатской неприкосновенности, что дало бы ему возможность не только продолжить расследование обвинений в коррупции, но и выдать ордер на арест медиамагната. Европарламентарии, похоже, готовы были согласиться с требованием знаменитого испанского судьи. Спасение от притязаний правосудия Испании для Берлускони заключалось в получении суверенного иммунитета, которым обладают только главы государств и правительств, причем только во время своего пребывания в должности.

Как Берлускони провел свою предвыборную кампанию, завершившуюся победой, известно. Итальянские избиратели, и без того прирученные круглосуточной рекламой Берлускони, которую вели его телеканалы и газеты, были польщены, когда издательство Mondadori подарило им книгу «Итальянская история» – биографию экс-премьера, авторы которой не поскупились на похвалы в адрес своего героя. Наконец, все принадлежащие медиамагнату газеты вышли с полосными объявлениями, в которых Берлускони предлагал избирателям настоящий коммерческий контракт: в обмен на доверие он обещал сократить налоги, создать 1,5 млн новых рабочих мест, увеличить пенсии и принять новые законы по борьбе с преступностью. Берлускони обещал уйти в отставку в случае, если не сможет выполнить как минимум четыре из пяти пунктов контракта. Один из экземпляров контракта Берлускони собственноручно подписал в прямом эфире одного из принадлежащих ему телеканалов и пообещал повесить у себя в спальне, «чтобы помнить о своих обязательствах каждый день».

В мае 2001 года Берлускони стал премьер-министром Италии во второй раз, а в мае 2008 года – в третий.

Но настоящую закалку будущие вожди должны получать в реальной политической борьбе – с молодых ногтей. Примеров тому – огромное количество.

1 мая 1901 года социалист-анархист Муссолини отметил праздник солидарности трудящихся первой революционной акцией: вместе с товарищами забаррикадировался в школе, взяв в заложники нескольких преподавателей и изгнав остальных, включая директора. В том же году он возглавил «комитет трудящихся» в родной деревне.

Вскоре Бенито с головой ушел в политику. Он возглавлял забастовки и несанкционированные митинги, неоднократно арестовывался, редактировал левую газету в Австрии. Орган итальянских социалистов газета *Avanti* в то время писала о нем как о «молодом человеке незаурядных талантов и большой культуры, плодовитом писателе и искусном полемисте, натуре гордой и неукротимой».

Когда Италия провела успешную колониальную войну и выгнала турок из Ливии, Муссолини, в котором националист еще не вытеснил окончательно социалиста, выступил с резкой критикой колониальной политики своей страны, за что на несколько месяцев угодил в тюрьму. Выйдя на волю, Муссолини впервые удостоился от соратников титула «дуче» (вождь) и менее чем через год был назначен главным редактором *Avanti*. Яркие полемические статьи Муссолини принесли ему известность по всей Италии: на съезде социалистов в 1912 году нового лидера партии называют человеком, ведущим партию курсом революции. Впрочем, свои пер-

вые выборы в парламент Муссолини с треском проиграл. А вскоре, совершив очередной политический кульбит, лишился и редакторского поста: когда разразилась мировая война, редактор *Avanti* в передовой неожиданно потребовал вступления Италии в войну на стороне Антанты.

Нынешний президент Ирана Махмуд Ахмади-Нежад, как и многие другие молодые люди из бедных семей, попал под влияние проповедей вдохновителя исламской революции имама Хомейни еще в студенческие годы. В конце 1970-х он был одним из студентов, захвативших посольство США. По некоторым сведениям, он предлагал сделать то же самое с посольством СССР, поскольку в те годы был ярким противником советского режима.

Как один из активистов КСИР (паравоенная организация «Корпус стражей исламской революции») Махмуд Ахмади-Нежад стал подниматься по административной лестнице. После войны он продолжил обучение в университете. Он окончил магистратуру и в 1990 году стал членом научного совета Университета науки и промышленности в Тегеране. В 1990-е годы Ахмади-Нежад четыре года занимал пост заместителя префекта, а затем и префекта городов Маку и Хой, после чего стал губернатором вновь созданной провинции Ардебиль на северо-западе Ирана. В начале 2004 года Исламский совет Тегерана избрал Ахмади-Нежада мэром иранской столицы.

Карьеры Ахмади-Нежада и Муссолини достаточно схожи, несмотря на то, что они вроде бы являются носителями разных идеологий. Но, как показывает практика, тип идеологии совершенно не важен для успеха. Важна метода. Начало политической карьеры будущего румынского диктатора Николае Чаушеску вполне сходно с карьерами фашиста и исламиста.

В компартию Николае вступил в возрасте 15 лет. Мальчик стал активным агитатором и уже в 1933 году впервые был арестован за подстрекательство к забастовке и распространение листовок. Арест не умерил пыла Николае, зато прибавил ему уважения среди товарищей по партии, и в течение 1934 года его арестовывают уже дважды и заводят на него досье, в котором 16-летний паренек описывался как «опасный коммунистический агитатор». В 1936 году он получил свой первый срок – два с половиной года в тюрьме Дофтана, но в камере марксистские убеждения Чаушеску только крепили. Наконец, в 1940 году его посадили всерьез и надолго: страна шла к фашистской диктатуре, и коммунистические агитаторы не вписывались в фашистский «проект».

Зато Николае наконец смог вписаться в коммунистический проект: его сокамерниками стали сам Георгиу-Деж и несколько других коммунистических лидеров. Один из эзков, сидевших в том же лагере, впоследствии вспоминал: «Чаушеску был ограниченным коммунистом-энтузиастом, который сам верил в проповедуемые им глупости. Это выглядело достаточно странно, и поэтому большинство заключенных избегали его». Впрочем, один из заключенных не разделял общего прохладного отношения к молодому идеалисту – Георгиу-Деж приблизил Чаушеску к себе и сделал его кем-то вроде ординарца. Вероятно, Чаушеску сумел проявить себя в этой роли с лучшей стороны, поскольку после крушения фашистской диктатуры его карьера резко пошла в гору. Выйдя из лагеря в августе 1944 года, Чаушеску возглавил коммунистический союз молодежи, а в 1945 году он уже был бригадным генералом румынской армии. В последующие годы молодой политик успел поруководить обкомом родной Олтении, побывать заместителем министра обороны и дослужиться до членства в ЦК. В 1955 году он стал членом политбюро и возглавил работу с кадрами, что в дальнейшем ему сильно помогло.

История повторяется вновь и вновь. «Последний наци Европы» – австриец Йорг Хайдер – в школе был отличником, а по ее окончании без труда поступил на юридический факультет Венского университета. Уже тогда он почувствовал вкус к политике. И тогда же понял, что внимательное отношение к изменениям настроений избирателей позволяет добиться очень многого.

Своего уважение к нацистам Йорг не скрывал. Мишень, на которой он отрабатывал удары (Йорг всерьез увлекался фехтованием), он назвал Симоном Визенталем (человек, посвятивший свою жизнь охоте за нацистами).

В 1971 году Хайдер стал членом Партии свободы – самой консервативной, но вполне пристойной (на тот момент) партии страны. К этому времени он уже отслужил в армии и преподавал в университете, однако, погрузившись в партийную работу, Хайдер отошел от преподавания. Его первой должностью стал пост главы молодежного отделения партии в Верхней Австрии. Там он и опробовал стиль общения с избирателями, в дальнейшем ставший его фирменным. Еще в школьные годы Хайдер с успехом участвовал в театральных постановках, а с переходом на партийную работу сделал перевоплощение основой своей деятельности. «Он всюду ездил с огромным чемоданом. Там были костюмы на разные случаи жизни, – вспоминал один из его знакомых. – Он появлялся в клетчатой рубашке и подвернутых брюках на собраниях фермеров, был в джинсах и коже на дискотеке, а уже через несколько часов мог выступать перед бизнесменами в костюме. Он везде был своим. В этом и заключался его секрет».

Впрочем, по яркости своей карьеры Хайдер все-таки уступает Уго Чавесу, что неудивительно. Энергичный офицер Чавес параллельно с несением службы активно занимался конспиративной деятельностью. Об этом знали не только товарищи, но и военная контрразведка. В конце 1970-х годов в армейской среде была создана тайная организация, ядром которой стали сослуживцы Чавеса по военной академии. «Неизгладимое впечатление на Чавеса произвела поездка в 1974 году в составе группы кадетов в Перу на празднование 150-летия битвы при Аякучо, принесшей решающую победу патриотам над испанскими колонизаторами в войне за независимость Южной Америки, – рассказывает автор книг об Уго Чавесе, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Эмиль Дабаян. – Этот пример воодушевил будущего президента. Важнейшей вехой в его самоидентификации стало 200-летие со дня рождения Симона Боливара, широко и торжественно отмечавшееся в 1983 году как в Венесуэле, так и далеко за ее пределами. Это стимулировало военных к более углубленному изучению истории созидательной деятельности национального героя Венесуэлы Симона Боливара, его взглядов, мировоззрения, идейного и политического наследия. Они все больше склонялись к тому, что, несмотря на значительную временную дистанцию, многие заветы освободителя – так называют Боливара в Венесуэле – не потеряли своей актуальности, что они вполне применимы в современных условиях».

3 февраля 1992 года на центральных улицах Каракаса и других городов страны появились танки. Мятежники выступили силами восьми батальонов в четырех городах, в том числе в Каракасе и Маракайбо. Поводом для выступления стали состоявшиеся незадолго до этого бунты на окраинах Каракаса и других крупных городов: бедные жители были доведены до отчаяния политикой президента Карлоса Андреса Переса, внедрявшего в стране либеральную модель экономики. Одним из предводителей мятежников был подполковник Уго Чавес. Попытка переворота закончилась неудачей. В полдень 4 февраля Уго Чавес сдался властям, призвав своих сторонников сложить оружие. В момент ареста, транслировавшегося в прямом эфире, Чавес заявил, что ему и его товарищам на этот раз не удалось добиться поставленной цели и что они хотят избежать бессмысленного кровопролития. «Но это не означает конец борьбы. Борьба будет продолжена», – пообещал Чавес.

Следующие два года Чавес провел в тюрьме. Узнав об аресте мужа, от Уго Чавеса ушла его первая жена Нэнси Кольменарес, с которой Чавес прожил 18 лет. Но Чавес не пал духом. И уже через два года следующий президент Венесуэлы простил его и выпустил из тюрьмы. За это время соратники Чавеса пересмотрели тактику борьбы с неудобным режимом и создали легальную политическую партию «Движение «Пятая республика». Харизматичный Уго Чавес быстро стал лидером партии. На президентских выборах 1998 года Чавес выдвинул свою кан-

дидатуру под лозунгом борьбы с коррупцией. Во время предвыборной кампании его сопровождала вторая жена – Марисабель Родригес де Чавес.

Настоящим политическим крестным отцом для Чавеса стал Фидель Кастро. Именно поддержка и влияние Фиделя помогли Чавесу в свое время получить признание в Латинской Америке. «Чавес в 1994 году был на Кубе по приглашению Фиделя Кастро. И надо отдать тому должное: Фидель Кастро пригласил никому не известного мятежного подполковника, увидел в нем будущего политического деятеля. С тех пор началась дружба Фиделя Кастро и Уго Чавеса, которая продолжается по сей день», – рассказывает Эмиль Дабаян. Получив признание в Латинской Америке, Чавес в 2006 году сделал Венесуэлу членом Mercosur – латиноамериканского общего рынка, куда входят Бразилия, Аргентина, Уругвай и Парагвай.

Наставничество вообще крайне важно в политической подготовке. Вице-президент Египта Хосни Мубарак осваивал новую профессию политика со свойственной ему методичностью. Он стал тенью Анвара Садата, появляясь с ним на официальных встречах и интервью, сопровождая его во всех зарубежных поездках.

Постепенно Садат стал доверять заместителю важные миссии. Например, в конце 70-х Мубарак получил чрезвычайные полномочия по урегулированию конфликта в Западной Сахаре. К 1980 году в руках Мубарака был сосредоточен контроль над спецслужбами и полицией. В январе 1981 года он стал генсеком Национально-демократической партии – правящей партии в Египте.

Есть, однако, и противоположные примеры, когда политик проходил свои «университеты» самостоятельно, без ментора. Один из самых ярких примеров self-made-политика – Уинстон Черчилль. Вернувшись в Англию знаменитостью и почти национальным героем после своего побега из бурского лагеря в Претории, он немедленно конвертировал свою славу в политический капитал и в 1900 году был первый раз избран в британский парламент от консервативной партии. Уинстон Черчилль всегда хотел быть в центре внимания, а в начале века казалось, что политика отвечает этой цели лучше, чем долгое ожидание больших сражений вдали от столицы, у самых границ империи.

Политическая карьера Черчилля была столь насыщенной и непредсказуемой, что о ней пришлось писать многотомные монографии. Из всех ключевых британских министерских постов он не занимал только пост министра иностранных дел. Он был консерватором, либералом и конституционалистом. Будучи в частной жизни верен одной женщине, одному сорту сигар и одной марке шампанского, в политике он был образцовым оппортунистом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.